

Пушкинский автограф идет с молотка

«На холмах Грузии» продается в Париже за 300 тысяч евро

Последний пушкинский автограф, находящийся за границей в частных руках, — стихотворение «На холмах Грузии лежит ночная мгла», оцененный примерно в 300 тысяч евро, будет выставлен 13 мая на торги в парижском аукционном доме «Друо». Сочиненное осенью 1829 года на Кавказе, стихотворение написано карандашом, потом обведено чернилами самим же Пушкиным. Оно вписано поэтом в альбом графини Каролины Собаньской, которая была последним увлечением Александра Сергеевича до его свадьбы с Натальей Гончаровой. Внизу страницы графиня Собаньская приписала своей рукой на французском: «Импровизация Александра Пушкина в Петербурге в 1829 году».

Вместе с пушкинским шедевром выставлены на торги: грамота, врученная царем Алексеем Михайловичем боярину Афанасию Тургеневу в 1670 году; два любовных письма императора Александра II Екатерине Долгорукой; рукописные страницы перевода Пушкина Проспером Мериме, украшенные его рисунками Татьяны и Онегина; афиша, нарисованная Жаном Кокто, для парижской выставки, посвященной 100-летию со дня гибели поэта, организованной Сержем Лифарем, а также «Сказка о Царе Салтане», иллюстрированная Натальей Гончаровой. Их оценочная стоимость от 4 до 10 тысяч евро.

РГ.С. Курьер - 2011 - 12 мая - 5 стр. 5
Окончание на стр. 5

На холмах Грузии лежит ночная мгла
Молчит Арава при полном
Месе Луны и море — перекатывает
Море мое плещет робко —
Робко, а мой тобою... утроба моя
Всего млеет, и восторг
И сердце восторг горит и млеет от того
Что немощно оно на море

Импровизация по поводу Писемкина в Петербурге
в 1829

Пушкин был влюблен в Каролину Собаньскую — сестру Эвелины Ганской, ставшей женой Бальзака (рисунок великого поэта)

Пушкинский автограф идет с молотка

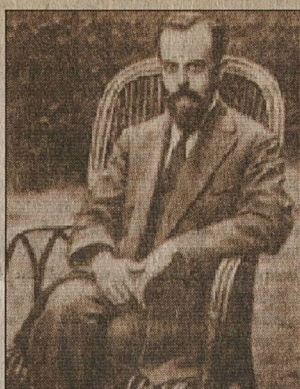
Окончание.
Начало на стр. 1

Все эти уникальные вещи из собрания Владимира Гофмана, внука крупнейшего русского пушкиниста Модеста Гофмана. «На холмах Грузии» Владимир приобрел в 1994 году и установил, что этот автограф находился в альбоме Каролины Собаньской. Другой автограф этого же стихотворения в 50-х годах был куплен известным специалистом по русской книге Полонским, и долгое время находился в его коллекции. После смерти Полонского несколько лет назад его коллекция должна была распродаваться на аукционе, который по каким-то причинам не состоялся, и следы этого автографа затерялись.

Онегин создал Пушкинский музей

«Владимир решил расстаться с этими сокровищами по очень простой причине. Ему, скульптору и архитектору, нужна мастерская для работы, — рассказывает его брат-близнец Андрей Гофман, тоже зодчий, который работает в парижской мэрии. — Пушкинский дом знает, что манускрипт продается, и ищет спонсоров. Нам было бы очень неприятно, если бы этот автограф не попал в Россию. Мы надеемся, что в России найдутся богатые меценаты, и, следуя примеру Виктора Вексельберга, который приобрел пасхальные яйца Фаберже, купят рукопись для нашей страны. Мы готовы им в этом помочь».

Увлечение Пушкиным в семье Гофманов унаследовано, конечно, от Модеста Людвиговича Гофмана. Именно его наркомпрос Анатолий Луначарский делегировал в Париж в 1923 году на ответственные переговоры с графом Александром Отто, который, возможно, был незаконнорожденным сыном одного из Великих князей. Он очень любил Пушкина и добился высочайшего соизволения императора изменить свою фамилию Отто на Онегина. В 70-х годах прошлого века он переехал в Париж и взял с собой большое количество пушкинских рукописей и создал Пушкинский музей, просуществовавший с 1870 по 1925 годы. Когда Отто-Онегин был уже в Париже, сын поэта Жуковского Павел, с которым он учился в гимназии, подарил ему рукописи Александра Сергеевича, оставшиеся у его отца. Отто-Онегин и сам активно приобретал в Париже пушкинские манускрипты и книги. В 1909 году музей приобрела Императорская академия наук, что он остается в Париже до смерти Онегина, которому будут выплачивать какую-то сумму. Модест Людвигович Гофман сумел вновь подписать договор с Онегиным, несмотря на множество сложностей, ибо в то время между

Модест Гофман был крупнейшим пушкинистом своего времени. Владимир Гофман продолжает дело деда

двумя странами не существовало дипломатических отношений. И когда в 1925 году Онегин умер, весь музей благополучно переехал в Петербург.

«Сам же дедушка остался во Франции, — рассказывает Андрей Гофман. — Нашему отцу Ростиславу тогда было 8 лет. Он стал известным музыковедом, автором более 40 книг о русской музыке, встречался с Шостаковичем, Свиридовым и ездил в Россию читать лекции о французской музыке. Мы сами любим Россию и чувствуем себя русскими. Мы с братом оба скульпторы и архитекторы, работаем в парижской мэрии, помогаем связям с Россией и, в частности, содействовали установлению бюста Сергея Дягилева, выполненного Леоном Лазаревым, в фойе парижского театра «Шатле». Недавно наша семейная коллекция пополнилась рукописью лермонтовского «Кинжала». Она в свое время находилась у Сергея Дягилева, а после его смерти попала к его другу Сержу Лифарю, который, кстати, был моим крестным отцом».

«... одной любви музыка уступает»

Пушкин был влюблен в Каролину Собаньскую — сестру Эвелины Ганской, ставшей женой Бальзака. (Два гения могли бы породниться). Прекрасная поляка, которая была замужем за французом Жюлем Лакруа, собирала автографы и гордилась своим альбомом, в котором оставляли записи ее знаменитые современники. Отвечая на ее просьбу, Александр Сергеевич 7 января 1830 года посвятил ей другой шедевр «Что в имени тебе моем?», манускрипт которого хранится в Пушкинском доме. Каролина Собаньская, которая, по некоторым данным, была осведомителем Третьего отделения, умерла в Париже в возрасте 91 года и похоронена на Монпарнасском кладбище.

Во Франции хранится еще несколько пушкинских автографов. «Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает, но и любовь — мелодия» — эти строчки из «Каменного гостя» написаны рукой Александра Сергеевича в альбом польской пианистки

Марии Шимановской, который находится в Польской библиотеке в Париже. Она располагает тремя автографами: в одном альбоме стихи из «Каменного гостя», в другом альбоме сохранилось письмо Пушкина к Марии Шимановской и третий автограф — это письмо Пушкина к его знакомому Хлостину. Мать Хлостина Вера Ивановна поддерживала дружеские отношения с Мицкевичем и его семьей. После ее смерти архив перешел сыну Мицкевича Владиславу и от него — в Польскую библиотеку в Париже. Кроме того, Авиньонская муниципальная библиотека владеет манускриптом пушкинского «Гусара», который когда-то принадлежал Просперу Мери и демонстрировался на пушкинской выставке в парижском Музее Бальзака.

«Страстным собирателем пушкинских автографов был Сергей Дягилев, — рассказывал мне пушкинист Леонид Шур, который живет во Франции. — Он со свойственной ему широтой собрал за очень короткое время невероятно интересную библиотеку, где были не только все прижизненные издания Пушкина, но и первые издания русских писателей XIX века. Наиболее ценные — письма Пушкина к жене и к матери жены. И собрание потом перешло к Лифарю, тоже страстному поклоннику Пушкина. Лифарь все не только сохранил, но и издал. Библиотека Лифаря была распродана в 80-х годах в Монако на аукционе «Сотбис». Некоторые книги он подарил России. Однако пушкинские автографы Серж Лифарь хранил у себя до самой смерти. После его кончины самые ценные были куплены Министерством культуры СССР. Остальные разошлись по частным коллекциям».

«Я несколько раз встречался с праправнуком Жоржа Дантеса — Клодом Геккерен-Дантесом, — продолжает Леонид Шур. — Несколько лет назад Клод Дантес впервые открыл архивы итальянке Серена Витале, которая опубликовала книгу «Пуговица Пушкина», а потом подготовила публикацию самих писем Дантеса. Они, в частности, позволяют иначе взглянуть на отношения Дантеса и Натальи Николаевны. Кроме того, в его собрании хранятся два автографа Пушкина — это первый и второй вызовы на дуэль. Это архив колоссальный, и к Клоду Дантесу приходило множество людей с просьбой его продать, но он не захотел».

Наконец, в Музее почты французского городка Амбюза, что в долине Луары, выставлены пистолеты рокового поединка Пушкина с Дантесом. Правда, как полагалось, на дуэли было две пары, так что не известно, из какого пистолета стрелял Александр Сергеевич.

Юрий КОВАЛЕНКО,
Париж